

“Проект явно химерический: Османская империя, хоть и была больна, испускать дух не собиралась; большинство европейских монархов стремилось выступать в качестве ее лекарей, а не гробовщиков. В документе отсутствует идея славянской взаимности, равно как и желание воплотить принцип национальности. В западной историографии он и сию пору представляется символом российского экспансионизма” [1, с. 215].

Источники и литература

1. Век Екатерины II. Дела балканские. – М.: Наука, 2000. – 295 с.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1992. Кн. III, вып. 7.
3. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 18. – Д. 249. – Л. 14 (служебный перевод с новогреческого).
4. Арш Г.Л. Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII-начале XIX в. // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. – М., 1994. – С. 82.
5. Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. – 1958. – № 4. – С. 68.
6. Краткий словарь новогреческой литературы / Сост. Наталия Николау – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Фонд греческих исследований в Москве. – 1993. – 268 с.

Александрова О.Н., Шарапова Н.В. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РОМАНА МИЦОСА АЛЕКСАНДРОПУЛОСА «СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ МАКСИМА ГРЕКА»

Современное греческое литературоведение уделяет явно недостаточное внимание анализу творчества выдающегося писателя Мицоса Александропулоса. Многие его произведения исследовались литературоведами Греции в 60–70 гг. XX века. Сейчас же его романы вызывают значительный интерес, прежде всего у ученых бывшего Советского Союза. Известны исследования Громова М.Н., Иванова А.И., Симицкой Н.В., Буланина Д.М., Покровского Н.Н., Цивьян Т.В., Топорова В.Н., Ильинской С.Б. [см.: 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11]. Подобный интерес вызывает *актуальность* для нашей аудитории проблем, поднимаемых в произведениях этого писателя: адаптация человека в чужой культуре, иноязычной среде, вопросы патриотизма, просветительства и миссионерского служения в другой стране.

Новизна нашего подхода заключается в выявлении влияния идей философии экзистенциализма на творчество Александропулоса, определении особенностей его художественного мышления. Наша *цель* – продемонстрировать использование основных экзистенциалистических категорий в известном романе М. Александропулоса «Сцены из жизни Максима Грека» (1976).

В качестве исходных положений в своем исследовании мы опираемся на письмо Мицоса Александропулоса, в котором он любезно согласился ответить на некоторые поставленные нами вопросы.

Современный писатель Мицос Александропулос (р.1924 г.), выросший в г.Амалиада на Пелопоннесе, учившийся в Афинском университете на юридическом факультете, является ярким примером греческого интеллигента, личность которого как писателя во многом сформировалась в годы гражданской войны в Греции (1946–49), в которой будущий писатель принимал активное участие. Сложившийся в результате поражения демократических сил фашистский режим Черных полковников стал причиной вынужденной эмиграции большей части греческой интеллигенции. Так и Александропулос покинул Родину, долгие годы провел на чужбине и только в 1981 г., через 7 лет после ликвидации военной диктатуры, смог вернуться домой.

Как и многие передовые люди Европы, видевшие в Советском Союзе прообраз идеального утопического государства, в своих скитаниях он оказался в нашей стране, где его литературная деятельность была высоко оценена современниками: «Мицос Александропулос принадлежит к литературному поколению Греции, сформировавшемуся и прошедшему закалку в годы героического греческого Сопrotивления, за развертыванием и действиями которого мы с таким вниманием следили в предвоенные и военные годы» [8, с. 4] – писал о нем Борис Полевой.

Жизнь в чужой стране, попытки адаптации к иной культуре заставили Мицоса Александропулоса заинтересоваться судьбой своего соотечественника, который много лет провел на русской земле, – Максима Грека.

Максим Грек, величайший просветитель русского народа, оказался на территории Московии, как и многие его соотечественники.

Влияние греков на русскую культуру неоспоримо и значительно. Одной из самых ярких фигур был Максим Грек (в миру Михаил Триволис) (1475–1556), публицист, писатель, переводчик, филолог. Разнообразие его произведений удивительно. Максим Грек обладал поистине феноменальными по тем временам познаниями в самых разных областях. В России же он известен, прежде всего, как публицист, «даже его переводы патриотических сочинений объясняются политическими установками писателя» [3, с. 12].

Максим Грек родился в г. Арте в известной среди греческой и итальянской интеллигенции семье Триволисов. Род, из которого происходил будущий писатель, был близок к последней правящей византийской династии Палеологов.

Молодость провел в Италии, где сотрудничал с известными греческими и итальянскими гуманистами Иоанном Ласкарисом, Анджело Полициано, Дж. Фр. Пико делла Мирандола, принимал участие в работе известного венецианского издателя Альда Мануция.

В Италии Михаил Триволис увлекся идеями мятежного монаха Джироламо Савонаролы (1452–1498), отлученного от церкви и казненного за свои убеждения, выступавшего против тирании Медичи. Непокорный монах говорил о равенстве между людьми, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, но при этом осуждал гуманистическую культуру и организовал сожжение произведений искусства. По своим убеждениям Савонарола был сторонником республиканского строя во Флоренции.

Этот революционный пафос итальянского монаха, его нетерпимость к злоупотреблениям властимущих и к политической диктатуре были созвучны с душевным состоянием Мицоса Александропулоса, тяжело переживающего беды, обрушившиеся на его далекую Родину. В своем письме Н.В. Шараповой он так оценивает духовную связь и родство Максима Грека и Джироламо Савонаролы: «На «Максима» кардинально повлиял героический пример Савонаролы, Бунтовщика той эпохи, и он до конца хранил в себе его образ и этические уроки». (здесь и дальше пер. мой – Н.Ш.). Савонарола, безусловно, произвел на молодого Михаила Триволиса огромное впечатление. Уже в России он напишет о нем «Повесть страшну и достопамятну». Может быть, именно поэтому в России Максим Грек сблизился с церковной оппозицией, отстаивал идеалы так называемого «нестяжательского направления в иночестве» и был осужден на соборах 1525 и 1531 гг. не только за свои религиозные, но и за политические взгляды: он, как и Томас Мор в Англии, посмеявшийся не согласиться с разводом Генриха VIII, не одобрил развода Великого Князя Московского Василия III с его женой Соломонией, и последующего брака с княжной Еленой Глинской, будущей матерью царя Ивана Грозного.

А также Максим Грек отстаивал необходимость решительной борьбы России с Турцией в то время, когда царское окружение стремилось к заключению мира, как с восточными, так и с западными соседями. Кроме того, Максим Грек боролся за право назначения митрополита в России Константинопольским патриархом, в то время как русская церковь уже стремилась к политической самостоятельности и независимости от Константинопольской патриархии, находившейся под властью турецкого султана, и настаивала на праве назначения главы русской православной церкви русскими епископами.

После послушничества в доминиканском монастыре Св. Марка во Флоренции, Триволис удаляется на Афон, где принимает постриг под именем Максима. Именно там он становится серьезным ученым, знатоком Священного писания, канонического права и истории. На Афоне он, видимо, знакомится и с церковно-славянским языком, общаясь с монахами из славянских монастырей.

В Россию он был приглашен «на время» в качестве переводчика и толкователя богословских книг по просьбе великого князя Василия III.

Одна из самых важных заслуг Максима Грека перед русской и греческой общественностью – укрепление связей между Россией и Грецией, прерванных после падения Константинополя. Его перу принадлежит перевод с латинского языка на русский повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками», переводы отрывков из византийского энциклопедического сборника X века «Суд», его «Толкование именам по алфавиту», сделанное на основе семантики и синтаксиса, и включавшего около 300 имен.

Умер Максим Грек в Троице Сергиевом монастыре (г.Загорск), оставив после себя богатое литературное наследие: богословские и философские рассуждения, переводы, статьи по фонетике, грамматике и лексикографии, имеющие более 150 наименований. Его первый перевод и комментарий «Толковой Псалтыри» писались в течение полутора лет и были сделаны на латинском языке. На русский язык с латинского их перевели его помощники, т.к. Максим Грек не знал в то время в достаточной мере русского языка и опасался сделать много ошибок. Но последующие его труды отличались очень кропотливой работой над языком, он даже занимался исправлением русских переводных книг (например, именно он исправляет книги, напечатанные Иваном Федоровым – «Псалтырь», «Часослов» и др.).

Роман Александропулоса «Сцены из жизни Максима Грека» знакомит читателя с известным афонским монахом в России. Выбор этой темы писателем объясняется его стремлением пропагандировать русскую культуру в Греции, а греческую – в России.

Именно благодаря литературной деятельности Мицоса Александропулоса греческому читателю становятся известны шедевры русской литературы «Слово о полку Игореве» и «Житие протопопы Аввакума» (1976), записки Нестора Искендера об осаде и взятии Константинополя турками в 1453 г. (1978), исследования о многих русских писателях: о Пушкине, Гоголе, Белинском, Достоевском, Льве Толстом, трехтомная история русской литературы с IX в. до 1917 г. (1977 – 1978). Мы же благодарны писателю за возможность читать на русском языке написанные им романы «Ночи и рассветы» (1962), «Горы» (1967), сборники рассказов «К звездам» (1970) и «Будьте счастливы» (1973), повесть «Чудеса приходят вовремя» (1976). Таким образом, книги Александропулоса значительно благоприятствуют знакомству Греции с русской культурой, а России – с греческой.

Будучи напечатанным сначала на греческом языке, роман «Сцены из жизни Максима Грека» позже появился и на русском языке, сейчас в Москве готовится уже его третье издание. Специфика этого произведения в том, что оно не является, по словам автора, биографией Максима Грека. «История интересует меня в той степени, в какой помогает приблизиться к человеческому феномену, создать художественный образ» [7, с. 3], - пишет сам автор. Это, прежде всего роман. Поэтому Александропулос позволяет себе упустить какие-то детали, нюансы, что абсолютно неприемлемо для историков.

Писателя привлекают нравственная чистота, высота духа, честность, принципиальность, негибкость, широта знаний – главные достоинства исторического Максима Грека. Но при всей своей внутренней симпатии к афонскому монаху автор не идеализирует своего героя. Цель писателя – показать Максима

¹ «Στον «Μαξιμό» είχε αποφασιστικά επιδράσει το ηρωικό παράδειγμα του Σαβοναρόλα, του Εξεγερμένου εκείνης της εποχής, και ως το τέλος τη μορφή του και το ηθικό δίδαγμα το κράτησε μαζί του».

Грека живым человеком, у которого, как и у всех обычных людей есть свои слабости и недостатки.

Для написания своего романа М.Александропулос использует «старую» источниковедческую базу, но уже после выхода в свет «Сцен...» появляются многие исследования по Максиму Греку, представляющие интерес для современного литературоведения. Несмотря на это, автору удалось передать характер своего героя именно таким, каким он представлен в свете новых открытий.

Мицос Александропулос посвятил свой роман именно Максиму Греку, потому что «Максим Грек – вслед за другим греком из русской истории, живописцем Феофаном, – является, пожалуй, наиболее значительной фигурой среди греков, которые жили и работали в России и в той или иной степени оставили свой след в древней культуре этой великой страны» [7, с. 3].

И если о Максими Греке написаны десятки исследовательских статей и книг, то роман Мицоса Александропулоса – первое художественное произведение, посвященное знаменитому переводчику и писателю.

Герой Александропулоса находится в постоянных поисках своего места в жизни. С точки зрения автора, им движет именно религия, обрекает его на муки и наталкивает на подвиг. Потребность в самоопределении определяется внутренними переживаниями героя, его характером, образованием. Подобно героям экзистенциалистов Максим Грек по-своему ощущает действительность, в которой находится. Эта действительность для него – вечность. По словам автора, Максим Грек «приходит к нам со своим собственным временем, ... у него одна вера - православное христианство – и он становится его приверженцем, ... и верит ей как своему собственному моральному и духовному закону, так сформулированному, чтобы живой человек, со своими запросами, потребностями и страстями, сосуществовать мог духовно с живыми, именно сосуществовать со своим окружением»².

Такая авторская позиция, несомненно, свойственна греческому самосознанию, для которого Православие является не столько религией, сколько образом жизни. Именно Православие стало той цементирующей средой, объединившей греческий народ не только в долгие века Османского ига, но и в годы борьбы за независимость, да и во время национального становления греческого государства. Поэтому выбор монаха в качестве главного героя романа кажется не случайным и обоснованным: «Тема Максима, образ этого человека, его духовный и нравственный облик, его судьба, пример его жизни – именно на этом я должен был остановиться, потому что на самом деле этот человек из прошлого, абсолютно мне незнакомый, значительно повлиял на мое мышление ... Он оказал влияние на меня, а я на него. Связь была двусторонней. Возрождался человек, но человек совершенно другой эпохи»³.

Тем не менее, герой Александропулоса чрезвычайно напоминает экзистенциалистских героев, соединяющих в себе переживание абсурдности бытия, абсолютного одиночества с потребностью в самоутверждении, в свободном выборе.

Нужно отметить, что Максим Грек, «прежде всего интеллигент, который находится в «чужой» среде ..., но среде в большей степени деспотичной и попирающей свободу, раблепной, и именно это – проблема власти, ... (одного лица, нескольких особого значения не имеет...)»⁴.

У Пушкина есть такие строки:

Зависеть от царя, зависеть от народа – Не все ли нам равно?» (1836) [9, с.584].

Мицос Александропулос считает это стихотворение первым русским экзистенциалистическим произведением. По мнению писателя, «проблема власти и человека, который осознает потребность в личной свободе, является вечной проблемой человечества. А в наше время она еще более обострена... атмосфера, которая господствовала в 60-е годы в Советском Союзе, оказалась определяющей для главной темы этой книги и, могу вам сказать, и для всей моей русской линии, вплоть до «Истории русской литературы», в которой, между прочим, я хотел дать историческую (в духовных его в основном отношениях, измерениях) почву, которая так повлияла на идеологические и политические направления наших дней и во многом предопределила исход».

Одной из главных философских категорий, присущих экзистенциализму, является категория выбора, который должен сделать каждый человек. Нередко это выбор между жизнью и смертью, необратимый выбор, влияющий на всю последующую жизнь литературного персонажа. Максим Грек в романе Мицоса Александропулоса вынужден постоянно выбирать между спокойной и благоустроенной жизнью Афонского монастыря и бурной, непредсказуемой жизнью в России, между высоким положением придворного, к

² «έρχεται ως εμάς με το δικό του χρόνο,... αυτός έχει μια πίστη – της χριστιανικής ορθοδοξίας – και την ασπάζεται... και την πιστεύει ως τον δικό του ηθικό και πνευματικό νόμο, έτσι διαμορφωμένον, ώστε ψυχικά να συνδέεται, να συμβιώνει δηλαδή με τους άλλους γύρω του, άνθρωπος ζωντανός με τους ζωντανούς, με τις δικές τους αναζητήσεις, ανάγκες και πάθη.

³ Το θέμα του Μάξιμου, η μορφή αυτού του ανθρώπου, η ηθική και πνευματική του φυσιογνωμία κι η μοίρα του, το παράδειγμα της ζωής του – σ' αυτά πρέπει να σταθώ λίγο εδώ, γιατί πραγματικά ο παλιός εκείνος άνθρωπος, που μου ήταν τελείως άγνωστος, συνήργησε δραστήρια στη δική μου σκέψη... Συνήργησε αυτός πάνω μου κι γώ σ' εκείνον. Η σχέση ήταν αμφίδρομη. Ξαναγεννιόταν ένας άνθρωπος, αλλά μέσα τώρα από μια άλλη εντελώς εποχή. [1, с. 641].

⁴ ... ο διανοούμενος πρώτα απ' όλα, που βρίσκεται μέσα σε μια ατμόσφαιρα και ξένη... αλλά πολύ περισσότερο ανελεύθερη και δεσποτική, το πρόβλημα δηλαδή της εξουσίας... (μονοπρόσωπης, πολυπρόσωπης ιδιαίτερης σημασίας δεν έχει)...

⁵ Το αιώνιο, αλλά και τόσο οξυμένο στις δικές μας μέρες ζήτημα της εξουσίας και του ανθρώπου που συνειδητοποιεί την ανάγκη της προσωπικής του ελευθερίας... η ατμόσφαιρα που κυριαρχούσε τη δεκαετία του '60 στη Σοβιετική Ένωση υπήρξε καθοριστική και για το βιβλίο αυτό, όσο, μπορώ να σας πω, και για όλη τη δική μου ρωσική σειρά, μέχρι και αυτή την Ιστορία της ρωσικής λογοτεχνίας, που, μεταξύ των άλλων, ήθελα να δώσει το ιστορικό (στις πνευματικές του κυρίως διαστάσεις) υπόστρωμα που τόσο επηρέασε τις ιδεολογικές και πολιτικές εξελίξεις και των δικών μας ημερών.

которому благоволил царь Василий III, значительными должностями в Синоде и ссылкой и заточением в дальний монастырь, что заставляет нас поднимать вопрос о проблеме насилия над личностью в этом романе.

Насилие и ненасилие представляют собой разные перспективы в борьбе за справедливые отношения между людьми в обществе.

Во-первых, это пассивность, малодушие, трусость, капитуляция, словом, непротивление насилию. Такая позиция, безусловно, не свойственна герою Александропулоса, но именно так ведут себя многие персонажи этого романа: «Исаак, человек грубый и злой, не досаждал монахам, пока его не задевали; не клеветал на них. А Михаилу ничего не стоило возвести напраслину; было у него немало и других недостатков. Вера его не была чистой и твердой. Из высокомерия он старался казаться всезнающим, а работал спустя рукава. Искал корысть в переписке священных книг» [7, с.103], именно поэтому они нередко деградируют как личности, встают на путь полного конформизма.

Во-вторых, насилие нередко вызывает ответное насилие. Эта линия поведения является в практическом плане более эффективной и в нравственном плане более достойной, чем первая. В ответном насилии, по мнению Жана Госса, уже, по крайней мере, чувствуется «ответственность за цели». Это уже вызов насилию, активное его неприятие, борьба с ним. Широко известны слова Ганди о том, что если бы перед человеком был выбор между трусливым смирением или насильственным сопротивлением, то предпочтение, конечно, следовало бы отдать насильственному сопротивлению. Ответное насилие лучше, чем покорность. Но Максим Грек – монах, поэтому ответное насилие чуждо самой его природе. Его сопротивление не принимает формы активной борьбы. Здесь весьма показательен эпизод, в котором ему запрещают заниматься писательской деятельностью, у него забирают письменные принадлежности. Но, несмотря на это, Максим находит выход из положения – одно из своих самых значительных произведений канон Параклиту он пишет на стене кельи самодельными чернилами. Такое активное ненасильственное сопротивление, преодоление ситуации несправедливости, но другими, принципиально ненасильственными методами – доказательство высоты духа и проявление творческой индивидуальности мятежного монаха.

Выбор Максима Грека практически бессмыслен, нелеп с точки зрения обывательского здравого смысла, но он совершает его «для себя», для реализации и утверждения своего права на поступок. Во имя этого права проявляется необыкновенное мужество нашего героя, который бросает вызов всем, сознательно идет навстречу испытаниям.

Такой выбор, без сомнения, тесно связан с еще одной важной категорией экзистенциализма – категорией свободы. И символом этой свободы для Максима Грека становится его родина – далекая Греция, которая на чужбине, может быть, кажется несколько идеализированной, но остающейся всегда прекрасной.

Как и Мицос Александропулос, Максим Грек почти всю свою жизнь провел на чужбине. Он служил России, но на всю жизнь остался истинным патриотом своего Отечества: «Среди разнообразия прочих мыслей в этой главе главное место занимает идея, помогающая понять книгу в целом – мотив Возвращения к своим истокам, возвращение на Родину. Этому не суждено было сбыться никогда, но в душе и мыслях Максима возвращение происходит в течение всех лет испытаний, именно туда обращены его взгляды. Подспудно под этим, однако, скрывается другое возвращение – к тем ценностям и истинам, которые существовали ранее, наполнили когда-то его жизнь ... однако где-то в пути они разминулись, то же самое произошло и с Родиной – они расстались ... Это, не забывайте, одна из главных тем книги и разворачивается она, в основном, в последних главах...»⁶.

Можно согласиться с мнением С.Б.Ильинской: «На самом деле «Сцены из жизни Максима Грека» – характерное произведение литературы изгнания. Его сущность – насильственное отторжение героя, (и в том числе и автора) от земли, которой он принадлежит и где страстно желает жить» .

Источник и литература

1. Αλεξανδρόπουλος Μήτσος. Αυτά που Μένουν Β'. Αθήνα. Ελληνικά γράμματα. 2000. – 1073 σ.
2. Γλιώσκαγια Σ. Μια συνάντηση στο χώρο της ελληνικής διασποράς// Ουτοπία. – 1997. – № 25. – σ.37–45
3. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: неизданные тексты. – Ленинград: Наука, 1984. – 277 с.
4. Громов М.Н. Максим Грек. – М.: Мысль. – 1983. – 199 с.
5. Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. – Ленинград: Наука, 1969. – 248 с.
6. Иванов А.И. Максим Грек и итальянское Возрождение // Византийский временник. – М., 1972. – Т.33 – С.140 – 157.
7. Мицос Александропулос. Сцены из жизни Максима Грека. – М.: Советский писатель, 1983. – 320 с.

⁶ Στη σειρά των σκέψεων στο κεφάλαιο αυτό έχει τη θέση του και το σπουδαίο για την κατανόηση του βιβλίου μοτίβο της επιστροφής, σ' ένα πρώτο επίπεδο η επιστροφή στην πατρίδα. Αυτή δεν έγινε ποτέ, όμως νοερά, στην ψυχή του Μάξιμου, γίνεται όλα τα χρόνια του μαρτυρίου του και ανά πάσα στιγμή και προς τα εκεί γέρνουν τα βλέμματα του παραδίδοντας το πνεύμα του. Πιο μέσα όμως απ' αυτό είναι η άλλη επιστροφή στις αξίες και στις αλήθειες που προυπήρξαν, γιόμισαν κάποτε τη ζωή του... και κάπου στο δρόμο τις αποχωρίστηκε, έτσι περίπου όπως και την πατρίδα του... Αυτό, μην το ξεχάσετε, είναι από τα κύρια θέματα του βιβλίου και ξεδιπλώνεται κυρίως στα τελευταία κεφάλαια...

⁷ Πράγματι, οι Σκηνές από το βίο του Μάξιμου του Γρακού είναι ένα χαρακτηριστικό έργο εξορίας. Ο πυρήνας του, ένας ξεριζωμός, η βίαια αποκοπή του ήρωα (και στο υπόστρωμα, του συγγραφέα) από το χώρο όπου ανήκει και επιθυμεί να ζει. [2, σ. 44].

8. Полевой, Борис. Несколько слов об этой книге и ее авторе // Александропулос, Минос. Чудеса происходят вовремя: новеллы и рассказы. – М.: Советский писатель, 1981. – С. 3–5.
9. Пушкин А.С. Из Пиндемонти. // Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож.лит., 1985. – 735 с.
10. Синицына Н.В. Максим Грек в России. – М.: Наука. – 1977. – 332 с.
11. Цивьян Т.В. Понятие чужого в романе М. Александропулоса «Сцены из жизни Максима грека» (1967 – 1969) // Балканские чтения, №7. – М., 2003. – С.167 – 172.

**Полховская Е., Георгиади А., Анищенко О.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ЛОЛИТА»**

Данное исследование проводилось на материале романа В. Набокова "Лолита" и его авторского перевода на русский язык под одноименным названием. Фактическим материалом послужила сплошная выборка слов, обозначающих национально-специфические реалии, из текстов оригинала и перевода вышеуказанного романа. Выбор материала исследования не случаен, т. к. отражает многие реалии современной американской жизни. Объектом исследования являются национально-специфические элементы национально-культурного содержания текста и конкретные языковые средства их выражения (иноязычные реалии).

Актуальность исследования заключается в том, что авторский перевод может показать правильность стратегии при переводе романа на другие языки, поможет переводчику раскрыть и понять глубину и многогранность подтекста произведения и, следовательно, адекватно перевести его на язык реципиента, а также, позволит переводчику по новому взглянуть на традиционный подход к художественному переводу и открыть для себя новые его грани.

Новизна исследования обусловлена тем, что специфика авторского перевода в теоретическом плане рассматривалась крайне редко, в частности, работы, анализирующие авторский перевод В. Набокова "Лолита" с точки зрения передачи его национального своеобразия нам не встречались. Весьма немногочисленны и работы, в которых проводился бы сопоставительный анализ двух версий романа "Лолита" (английской и русской) с целью изучения методологического подхода В. Набокова к переводу художественных произведений (например, Бруно Осимо "Nabokov's Selftranslations").

Основная цель исследования - выявить слова, словосочетания, обозначающие национально-специфические реалии и изучить особенности их передачи средствами языка перевода (ПЯ), а также выявить позицию автора относительно установившихся канонов перевода реалий, проследить, насколько он их придерживается, или, наоборот, игнорирует, и определить, как это влияет на содержание перевода по отношению к оригиналу.

Авторские переводы бывают двух типов: адекватные и, пользуясь термином поэтических переводов, вольные. Адекватный перевод, по идее, точный, и нет особой разницы, автор взял на себя эту работу или другой переводчик. Вольный же перевод – это не перевод вовсе, а, в конечном счете, фантазия на тему собственного произведения, и появляется в итоге новый оригинал.

Иногда при воспроизведении той или иной ситуации на русском языке, полнота сцены в оригинале, адресованному англоязычному читателю, может быть утрачена. Это происходит потому, что адресат иной. Вступает в силу другой языковой и культурный контекст. При адекватном переводе на русский гаснет и исчезает «магнитное поле» английского слова, словосочетаний; снижается эмоциональный накал; теряется ритмика фразы. Все как будто точно, все отражено, но нет емкости, нет русского «магнитного поля». Очевидно, нужно лепить заново, делать новый оригинал. И здесь, конечно, автору легче, чем переводчику со стороны: ему облегчает дело ориентация в психологическом состоянии героев, рожденных им же, четкое видение подтекста, закодированного им самим. А в случае с Набоковым это еще и видение всех ловушек оригинала: загадок, пазлов, каламбуров, знание их, порой, единственно правильного разрешения, что позволяет его «вольный» в некоторых местах перевод и считать наиболее адекватным.

В. Набоков разделил попытки перевести художественное произведение на другой язык на три категории:

- 1) парафрастический перевод, предлагающий вольную версию оригинала, с опущениями и дополнениями, продиктованными условностью формы, приноровлением к потребителю и собственным невежеством переводчика. Иные переложения могут обладать очаровывающим изяществом языка и идиоматической выразительностью, однако ученому не пристало прельщаться этим изяществом, а читателю – обманываться им;

- 2) лексический (или пословный) перевод, передающий основное значение слов (и их порядок). Это в состоянии сделать и машина под управлением знающего билингва;

- 3) буквальный перевод, передающий точный контекстуальный смысл оригинала настолько близко, насколько позволяют ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод и есть настоящий.

Из вышеизложенного ясно видна позиция Набокова как переводчика. Но все же его приверженность к буквализму не мешает ему там, где этого требует контекст, или в зависимости от читателя, на которого ориентировано переводное произведение, отходить от жестких рамок «буквы» и совершенно изменять исходный материал. В переводе «Лолиты» пользуясь своим правом автора, Набоков меняет, и местами весьма радикально, текст в отношении реалий, иногда нарушая местный, бытовой колорит и даже заменяя типичные для американской жизни явления и понятия другими, не свойственными ей. Но вместе с тем ясна и цель автора: переводя собственное произведение, он сознательно жертвует деталями, и иногда весьма важными, чтобы лю-